

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Б. Н. Путилов

ВСТРЕЧИ С ЭПОСОМ В ЧЕРНОГОРИИ

I. В Черногории я уже пятый раз, но, видно, никогда не привыкнуть ни к суровым краскам и каменному величию этой земли, ни к сердечной открытости и дружелюбию ее людей.

Есть в Черногории одна точка, с которой, кажется, видна почти вся страна — в таком необыкновенном сочетании контрастных панорам, какое трудно даже вообразить. Когда стоишь на вершине Ловчена, где покоится прах Петра Петровича Негоша, видно, как на юге — за мощной грядой Приморского хребта — простирается бескрайняя бирюза Адриатического моря (в очень ясные дни, говорят, отсюда можно увидеть итальянский берег); оно и сейчас, в декабре, спокойно, только краски его под зимним солнцем чуть потускнели. На востоке тянется, ширясь кустью, глубокое ущелье Риеки Црноевича; оно незаметно как бы вливается в Скадарское озеро, темная синева которого видится до самого албанского берега. Необычны Риека и Скадар декабрьским утром, когда они тонут в белой пене тумана, из которого словно выплывают иссиня-черные вершины прибрежных гор.

Не без оснований говорят, что панорама, открывающаяся на западе, одна из красивейших и впечатляющих в целом свете: между голых горных громад далеко внизу изгибается глубокий голубой фиорд; в воде даже отсюда, с немислимой высоты, видны опрокинутые отражения гор и прибрежных каменных городков. Это — Бока Которска, жемчужина Черногории и всей Адриатики; каждый черногорец, разговаривая с вами о Боке, непременно напомнит о той роли, какую сыграла она в истории дружеских связей с Россией: здесь учились морскому мастерству молодые русские, посланные Петром I; отсюда вышло несколько славных русских флотоводцев; здесь в 1806 г. стояла русская эскадра адмирала Д. Сенявина. Обо всем этом и о многом другом расскажут вам тихие музеи Котора и Пераста...

А на севере и северо-востоке... То, что видите вы там, и есть собственно подлинная, классическая Черногория, во всем ее величии и поражающем взгляд могучем разнообразии природных красок.

Сероватый камень — волнистыми грядами, цельными громадами, изломами острых скал — в грандиозном хаотическом нагромождении занимает все обозримое пространство. От этой нескончаемой каменной массы веет чем-то застывшим, почти безжизненным. Сквозь камень каким-то чудом пробивается бедная, жухлая растительность. Лишь местами глубоко внизу виднеются крошечные зеленые поляны, тщательно обложенные каменными оградками: люди ценят здесь каждый клочок плодородной земли, оберегая его от ветров и потоков воды. Маленькие деревни — в пять, десять домов, сложенных из того же самого серого камня, выделяются из одноцветного массива лишь красными черепичными крышами.

Прямо под Ловченом — Цетинье, исторический, культурный, духовный центр Черногории. Нынешняя столица республики — Титоград, большой современный промышленный город, где жизнь бьет ключом, где все привычно, знакомо и измеряется стандартами сегодняшнего дня. С точки зрения этих стандартов Цетинье — глубокая провинция. В нем всего 12 тыс. жителей, несколько десятков многоэтажных домов, а все остальное — домики, вросшие в землю, в два-три окна на улицу. Пожилые женщины в черном сидят у дверей на стульях; есть всего три-четыре улицы, по которым идет движение. Почти в центре города, на большом лугу пасутся овцы. Здесь все знают друг друга, и на улице то и дело слышатся приветствия. В городе есть и несколько предприятий, но, конечно, не они определяют его облик и его истинную ценность. Цетинье по-прежнему остается культурным центром Черногории, символом ее героического прошлого, средоточием исторической памяти и исторического сознания ее народа. Цетинье славится на всю Европу своими музеями. Самый большой — Государственный музей, размещающийся в двухэтажном деревянном здании бывшего дворца короля Николы. Рядом с ним — знаменитая Билярда, некогда служившая резиденцией П. П. Негоша и его преемников. Свое название она получила от бильярдного стола, привезенного Негошем из России. Теперь здесь располагаются Музей Негоша и Этнографический музей.

Соседство экспозиций, одна из которых посвящена Негошу, а другая — традиционному народному быту, производит удивительное впечатление: переходя от одной экспозиции к другой, воочию убеждаешься, что великий поэт, просвещенный для своего времени человек, владыка черногорской церкви и политический вождь страны был плоть от плоти своего народа и в своей повседневной жизни и культурной деятельности никогда не отрывался от взрастившей его народной почвы. Этнографическую экспозицию, где выставлены образцы изящной, исполненной строгого вкуса одежды черногорцев, предметы домашнего быта, утварь, орудия крестьянского труда, музыкальные инструменты, оружие можно рассматривать и как своеобразное историко-бытовое введение в экспозицию, посвященную Негошу, — с ее великолепной библиотекой, с драгоценными рукописями поэта, с предметами, напоминающими о его государственной деятельности.

Рядом, через площадь — Галерея искусств, в которой немало замечательных и просто хороших произведений живописи — копии средневековых фресок, иконы, работы в стиле барокко, картины мастеров реалистического письма, образцы модернизма... В дни, когда я был в Цетинье, музей отправлял выставку своих картин в Бельгию. Позднее ее повезут во Францию.

В глубине улицы — окнами в парк — Музей Народно-освободительной борьбы и революционного движения. Строго, документально и с потрясающей выразительностью рассказано здесь о борьбе Черногории против оккупантов, о немых жертвах и о стойкости народа.

Музеи Цетинья — это одновременно и научные центры, объединяющие историков, этнографов, фольклористов, археологов. По существу все вместе они представляют один исследовательский институт, с которым охотно сотрудничают многие специалисты, здесь не работающие. Периодические издания этого «института» — в недавнем прошлом четыре выпуска «Гласника Этнографического музея», а теперь «Гласник Цетиньских музеев» (вышло тоже четыре тома) — широко известны благодаря обилию содержащегося в них материала, значительности тематики и серьезности ее разработки. И хотя Черногория — единственная республика Югославии, не имеющая своей академии наук, а ее научные кадры в историко-гуманитарной области невелики, — за те несколько лет, что прошли с моего последнего посещения Цетинья, здесь многое изменилось к лучшему, и музеи города явно на подъеме.

В Цетинье размещается Институт охраны памятников культуры Черногории. На его долю выпала нелегкая и почетная работа: Черногория в сущности вся — культурно-исторический памятник. И в этом учреждении ведется серьезная исследовательская работа: уже опубликовано несколько томов ежегодника «Старине Црне Горе».

Нельзя не упомянуть и о Центральной народной библиотеке Черногории, которая не просто составляет культурную гордость сегодняшнего Цетинья, но и обеспечивает в этом маленьком городе такие условия для научной работы, какие предоставит не всякая столица.

Цетинье богат не только музеями и культурными учреждениями. По его улицам и площадям надо ходить с путеводителем, здесь на каждом шагу попадаются интереснейшие исторические и архитектурные памятники и достопримечательности. Рядом с Билярдой — монастырь, с которым связаны многие страницы героической истории черногорцев; высоко над городом — могила владыки Данилы (XVIII в.), на одной из площадей — величавая и трагическая скульптура женщины-черногорки с венком и саблей в руках: памятник «Ловченская вила», посвященный погибшим черногорским добровольцам первой мировой войны; на площадях и улицах — бронзовые бюсты революционных деятелей, героев-партизан. Близ городского рынка, под огромным деревом — памятник юному герою борьбы с фашистами Гойке Крушке. Многие в Цетинье помнят этого мальчика; оккупанты повесили его на том самом дереве, под которым теперь установлен памятник.

В парке, напротив отеля, в котором я живу, стоят два бронзовых бюста: слева — Никац Томанович из Ровина, один из самых прославленных черногорских юнаков, любимый герой многих песен; справа — Вук Мандушич, воевода, воспетый П. П. Негошем. Много раз мне приходилось убеждаться в том, что для черногорцев история летописная и история эпическая нерасторжимы: подлинные исторические личности воспеты в народном эпосе, а эпические герои неизменно воспринимаются как люди с реальной исторической биографией.

В названиях цетиньских улиц наглядно запечатлено представление о единстве истории подлинной и легендарной, о нерасторжимой преемственной связи исторических эпох. Рядом с именами людей, известных и дорогих всему миру (Бульвар Ленина), с именами исторических деятелей Черногории, революционеров (улица Йована Томашевича), героев-партизан — имена тех, кто вошел в историю через песню (улица Никаца из Ровина, улица Байо Пивлянина и много-много других) ... Кажется, будто вы листаете старинный сборник юнацких песен.

II. Я приехал в Черногорию, чтобы собрать материалы для книги об эпической поэзии черногорцев, хотелось основательно поработать в библиотеках, встретиться с югославскими специалистами, ну, а если повезет — послушать одного-двух гусяров из тех, что еще, как я думал, поддерживают угасающую традицию песенного эпоса, и, может быть, побывать в каком-нибудь знаменитом месте, воспетом в эпосе. Мои представления о судьбе живой эпической традиции основывались отчасти на том, что приходилось слышать и читать у югославских коллег, отчасти — на господствующем и справедливом в принципе убеждении, согласно которому живой эпос повсеместно исчезает.

Цетиньские друзья не спешили ни подтвердить, ни оспорить эти представления. Директор Музея Негоша Павле Джонович, улыбаясь, говорил: «Поедем по Старой Черногории, сам все увидишь».

И вот, наконец, настал день, когда я мог спокойно сказать себе, что все старые журналы, календари, сборники просмотрены и все нужные тексты из них извлечены, новые книги основательно проштудированы, можно отправляться в поле.

В эти предновогодние дни здесь стояла теплая, солнечная, сухая погода, напоминающая наш октябрь. Мы выехали из Цетинья и сразу же очу-

Рис. 1 Душан Попович, гузляр из села Негуши

тились в неподвижном мире из серого камня. Туристов в это время года уже нет, дорога пустынна; лишь изредка встретятся черногорка с вязанкой дров за спиной или мальчик-пастух с десятком овец. Серпантинная дорога ведет к перевалу, и за каждым новым поворотом нас ожидают встречи с Историей: развалины деревни, сожженной итальянскими фашистами; памятные плиты с полным перечнем имен тех, кто погиб когда-то здесь в схватках с врагами; обелиски, поставленные в память о выступлениях патриотов 13 июля 1941 г.; оставшиеся от времен оккупации фашистские бункеры, словно мертвые фантастические птицы, нависшие над горными грядами...

За перевалом ландшафт становится мягче, появляются зеленые поляны, еловые рощи. И вот мы уже в Негушевой долине, которая после того, что мы только что видели, кажется благодатным местом. Село Негуши — родина П. П. Негоша. Сохранился дом, где он родился и вырос, обыкновенный крестьянский дом; теперь здесь музей, сейчас он реставрируется.

В селе, просторно и свободно раскинувшемся у подножия высоких гор, много и других старых построек: прочный, с низкими широкими сводами, но уже без крова, дом отца Негоша, в котором обычно ночевали путники из Котора или Цетинья; почти два десятка маленьких церквей — чуть не каждая семья в прошлом считала долгом иметь собственную церковь. В одной из них, построенной отцом Негоша — Марком, мне показывают местную реликвию — русское Евангелие, привезенное из Москвы в середине XVIII в. митрополитом Васи́лием.

Мы заходим в дом к сторожу музея Негоша Душану Поповичу. В комнатах лишь слабые следы былого крестьянского быта, почти все обновлено — мебель (от традиции остались лишь характерные черногорские стулья), утварь, украшения на стенах. Выделяются в углу богатые, с тонкой резьбой, гусли. Потом я увидел, что в Черногории нет почти дома, где в красном углу не висели бы гусли. Можно не уметь играть на них, можно не петь песен о юнаках, но иметь свои гусли, либо доставшиеся по наследству, либо недавно приобретенные, считается едва ли не обязательным.

Но в доме Поповича гусли — не просто дань доброму обычаю. Хозяин известен как хороший гуслиар, и Павле Джонович решил с него начать мое знакомство с живой традицией. Однако возникает неподвиженная трудность: в семье — корота, сорокадневный траур по умершему родственнику, и в доме петь нельзя. В следующие дни в других деревнях мы не раз встречались еще с коротой: черногорские семьи довольно строго соблюдают некоторые старые обычаи, а поскольку любая семья имеет многочисленных родственников внутри своей деревни и за ее пределами, знаки траура встречаются нередко.

Душан находит выход — зовет нас в небольшую кафану, которая оказывается прямо под домом Негоша.

Странное чувство испытываешь поначалу, слушая здесь гуслиара. Обстановка кафаны вполне современная, за окном виден наш автомобиль, мы все в комнате — в том числе и сам гуслиар — люди вполне современные. Кажется, что звуки гуслей, не изменившиеся за столетия, напев и слова старых эпических песен должны как-то противоречить всей этой обстановке. Между тем этого нет, песня сразу же подчиняет нас, овладевает нашими чувствами, ведет нас к событиям далекого прошлого. Много раз потом я слушал гуслиаров в сходной обстановке, и реакция была всегда одна и та же: раздвигались и исчезали стены современного дома, настоящее окутывалось какой-то дымкой, песня властно переносила нас в свой мир, в свою обстановку.

Со временем я понял, что черногорцы в своем большинстве воспринимали гусли не совсем так, как я: для них никакой особенной преграды между историей и сегодняшним днем просто не существовало, не было дистанции, которую мне нужно было преодолеть. История ощущалась ими в поразительной цельности и неделимости. У Душана Петровича сильный и красивый голос. Он спел несколько отрывков из героических юнацких песен, общее содержание которых мне было знакомо, но тексты показались не совсем обычными. Гуслиар охотно сообщил нам, что слова двух песен — «Смерть Смаил-аги Ченгича» и «Горский престол» он выучил из сборника («песмарицы») Радована Бечировича, который живет в Никшиче и сочиняет песни. Так я впервые познакомился с именем человека, о котором потом еще не раз приходилось слышать от гуслиаров и с которым в конце концов мне удалось встретиться. Как певец Душан Попович очень заинтересовал меня. Выяснилось, что он родился и вырос в Негушах (ему сейчас 51 год), братья его умирали один за другим, и, чтобы сохранить жизнь младшему, уберечь его от сглаза и колдовства («от урока и вештице»), мать дала ему прозвище Муйя, используя турецкое имя. С детства слушал он гуслиаров, которых в Негушах было тогда много. Постепенно он овладел искусством пения под гусли («уз гусле»), а тексты находил в книгах, позднее — запоминал, слушая пластинки. Он и сам сочинил несколько песен, одну из них, посвященную партизанской войне, Душан-Муйя спел нам. По его словам, эту песню переняли от него в свое время и другие гуслиары. В исполнении Душана ощущается артистическая свобода: работая в доме-музее Негоша, он охотно пел под гусли многочисленным туристам из разных стран, раскрывая перед ними своеобразную красоту эпической песни.

Во всем его облике ощутимы черты современного сельского интеллигента. Позднее я мог убедиться, что эти качества вообще присущи черногорским гуслиарам. Напрасно мы стали бы мерить их мерками патриархальных понятий и пережитков старины: гуслиар, как правило, человек вполне современный, он крестьянствует, работает на заводе или служит, учится, он знает историю своей земли в каких-то отношениях не хуже учителя гимназии; он прошел войну... При всем том гуслиар и сегодня обладает особенными качествами, которые постепенно открывались мне, когда я знакомился с разными певцами.

На следующий день мы поехали в Катунскую нахию. И опять — то же море серого камня, только теперь оно еще шире и безбрежней. Редкие каменные постройки почти сливаются с ним. «Чево ровное, юнацкое гнездо»: в десятках песен воспето это место, откуда вышли многие славные воеводы и руководители сельских чет, они же — и герои эпоса.

Крутая, узкая дорога из крупного острого щебня, осыпающегося под колесами машины, ведет нас в глубь района.

Трине — небольшое село на склоне гор. Мы в самом сердце старого и славного черногорского племени цуце. Эти места, по словам одного историка, — «крепость, созданная самой природой». Не перечесть всех битв, сражений, походов, осад, вылазок против турок, связанных с этими местами. Но есть имя, которое все здесь назовут первым: Никац из Ровина. Предание сохранило память о его внешнем виде: небольшого роста, тонкий в поясе и широкий в плечах, большеголовый, с черными крупными глазами и громадными усами, которые он, отправляясь в путь, подвязывал за шей. Человек большой мудрости и быстрого ума, скорый на решения, он был простой скотовод и способнейший и бесстрашный военачальник. Его подвиги и его смерть воспеты эпосом, и любой современный гусляр знает песни о Никаце из Ровина. Каждый черногорец расскажет вам историю его гибели, невольно соединяя реальные подробности, сохраненные преданием, с мотивами эпической песни: однажды ночью дом Никаца окружили турки, их начальник Якшар стал громко похваляться своим успехом и упрекать юнака, что тот прячется в пастушеской хижине.

«Эй, турецкий паша, вот я, Никац,

Где бы я ни был, никогда не прятался!»

Они бросились навстречу друг другу, одновременно прозвучали их ружья, и оба упали мертвые. Турки унесли голову Никаца.

...Каменистой тропкой мы поднимаемся к сельскому кладбищу. Долгие десятилетия могила героя находилась за его оградой — обычай не разрешал хоронить обезглавленное тело по всем правилам. Только лет двадцать назад могила перенесена в центр кладбища. На камне надпись: «Славнейшему черногорскому юнаку и неустрашимому атаману («харамбаше»), боровшемуся против турецких насильников».

В Трине есть несколько гусларов, но нас тут же предупреждают, что петь они не станут: у них в семьях корбта. Взамен нас ведут в дом 82-летнего Спасоје Кротова Поповича, о котором с гордостью говорят как о хранителе славных традиций племени цуце. Громадная каменная комната как бы поделена на две части: справа — старый черногорский очаг, нары, покрытые кошмой, традиционные низкие стулья на трех ножках с гнутыми спинками. В другой половине — современная мебель, радиоприемник, предметы сегодняшнего быта.

Хозяин явно обрадован и польщен, что к нему привели гостя «из Руси». Появляется обязательная в таких случаях «лозовача» — виноградная водка в маленьких рюмочках, раздается традиционное «живели!», а хозяин прибавляет к этому такую долгую, так искусно построенную и с таким подъемом, особенной скороговоркой произнесенную здравицу, что все присутствующие замирают от восторга. Простые, из века в век повторяемые пожелания гостям здоровья и веселья, богатой пшеницы на их ниве и щедрой пчелы в их саду, вдоволь воды и пищи в доме и сыновей, которые охраняли бы дом, звучат в устах старца по-особенному искренно и живо.

Едва ли не первое слово Спасоје — о России. Сколько раз в своих поездках по Черногории, в своих разговорах с ее людьми мне приходилось слышать эти слова, ставшие традиционной формулой: «Ай, наша майка (матерь) Русия!» Вот и сейчас эта формула звучит в доме старого черногорца. Он живо помнит Балканскую войну, первую мировую, когда

пришлось хлебнуть ему лиха на Скадаре; с воодушевлением рассказывает Спасоје, как в 1907 г. впервые получил в руки ружье, вспоминает о русских ружьях «московках», позволивших черногорцам вести войну на равных с противником. Мы с Джоновичем пытаемся проверить его знание хронологии: «Никац воевал вместе с твоим отцом, они были знакомы?» — «Нет, — смеется Спасоје, — с прадедом». Это уже ближе к реальности — ведь Никац погиб где-то около 1755 г. Хотя и приблизительное, знание хронологии не мешает старцу протягивать в своем рассказе единую нить от времени Никаца к своему времени. Таков закон эпического сознания — для него не существует разделенных границами хронологии исторических этапов, но есть единое эпическое время, которое охватывает и соединяет в одно целое разные периоды героической борьбы народа.

В заключение нашей встречи Спасоје соглашается сфотографироваться. Он надевает сохранившийся от старых времен черногорский костюм — гуню, душанку, черную капу с красным верхом на голову, берет в руки гусли. Старец не играет на гусях, но любит их послушать, вспоминает, как гусяры-воины пели после удачных сражений, на память легко цитирует строки десетерца (десятисложного стиха).

Когда на прощанье я дарю ему сувенир — голубоватую ленинградскую медаль с изображением Петропавловской крепости, Спасоје бодро вытягивается и серьезно, почти благоговейно принимает подарок.

На обратном пути останавливаемся в с. Кучишта — здесь нам уже подготовили встречу с гусяром. В комнату заходит высокий, крепкий черногорец Джуро Периши Калуджерович. Ему 58 лет, искусству пения под гусли начал учиться с детства и лет в 15 уже хорошо пел. Тексты он берет частью из сборников (в том числе и из книги П. Негоша «Српско огледало»), частью же — от гусяров. Запомнить очень большой текст не составляет для него труда. Джуро с неудовольствием говорит о сыне, который должен по многу раз прочесть учебник, чтобы запомнить заданное. Он, Джуро, прочтет или услышит один раз — и ему достаточно. К тому же петь или говорить десетерцем — дело очень легкое. Он знает людей, которые могут говорить десетерцем сколько угодно и о чем угодно.

Джуро поет нам свои любимые песни — «Женитьба Вука Станишича» и «Смерть Смаил-аги Ченгича». Перед тем, как начать петь, он разогревает над плитой гусли — чтобы кожа натянулась, иначе звучанье будет дряблым.

Гусяр начинает всегда с музыкального вступления, по несколько раз проигрывая фразы. Голос его включается как-то неожиданно, вдруг, кажется будто на середине одной из фраз. Самое сложное и важное в искусстве гусяра — это гармоническое сочетание голоса и гуслей. Много раз я спрашивал певцов, какой гусяр, по их мнению, хорош, и неизменно получал один ответ: у хорошего гусяра звук гуслей сливается с голосом, и тот и другой звучат слаженно. Для гуслей требуется голос мужской, крепкий, уверенный. Хороший гусяр еще и тот, который в ходе песни умело «меняет голос», переходит с одной мелодии на другую: эпическая песня долгая, и надо следить, чтобы слушателей не утомило пение, а для этого как раз и нужно время от времени менять «голос». Однако нельзя это делать механически, надо знать, какой «голос» лучше всего соответствует какому месту песни, каким эпизодам и т. д.

От Джуро я узнаю еще несколько важных подробностей, которые, как потом постепенно выяснится, вообще характерны для искусства гусяров. У каждого гусяра существует свой «голос», т. е. свой напев, точнее — несколько своих напевов. Многократно слушая других певцов и овладевая сложным искусством пения под гусли, он постепенно вырабатывает свой «голос». Дело музыковедов — исследовать индивидуальную специфику «голосов» и выявить то, что их объединяет. Любопытно, что гусяры знают «голоса» других певцов и могут их воспроизвести. По моей прось-

бе некоторые гусляры имитировали певцов, которых они характеризовали как хороших, известных, в том числе и певцов уже покойных, чей голос они давно не слышали. Джуро утверждал, что он может воспроизвести всех гусляров, которых когда-либо слышал. Разумеется, различия между гуслярами касаются не только напева в собственном смысле слова, но и всей совокупности применяемых выразительных средств, характера экспрессии, особенностей согласования голоса с гуслиями. Слушая в течение пяти дней многих певцов, я уже начинал отчетливо различать разнообразие манер и приемов, наличие разных стилей.

От Джуро я впервые услышал исполнение юнацкой песни без гусельного сопровождения. Оказывается, гусляры довольно часто и охотно поют без гусель — когда оказываются где-нибудь вдали от дома, в горах, с овцами, на пути, за работой и т. д. Джуро демонстрирует нам «чистое» пение — голос его при этом становится громче и сильнее. Есть в этом пении особенная прелесть — кажется, будто юнацкая песня вырвалась из тесных для нее домашних стен на простор и разнесится далеко по горам.

Но не менее интересен и текст песни: в ней речь идет о славянской солидарности, о помощи России в борьбе Черногории за свободу. «Россия поднялась, чтобы защитить милых братьев своих», «славянское племя».

Я заметил, что почти у каждого гусляра в репертуаре есть песни на эту тему, столь дорогую черногорцам.

III. Следующие дни моего путешествия по Черногории были снова до предела насыщены впечатлениями. С неизменным моим спутником Павле Джоновичем и новым провожатым Васо Радуновичем, сотрудником Института охраны памятников культуры, мы едем по Лешанской и Црмничкой нахиям. Оба наперебой показывают мне исторические достопримечательности, которые здесь встречаются на каждом шагу.

Прямо у дороги, на возвышении — памятник, на нем надпись: «Воспоминание о славной победе черногорцев над турками в 1712 году и о героической борьбе черногорских партизан за свободу 18 июля 1941 года». Село Прогоновичи... Мы стоим на самом высоком месте, и Васо во всех подробностях рассказывает (и показывает нам), как билась горстка черногорцев с турецким отрядом. Вот дуб, возле которого турки похоронили убитых; вот церковь, которую они осаждали; вон с той горы пришла жителям Прогоновичей помощь от воеводы Радуна; вот в этом желтом доме жил барьяктар, а там ниже сохранился фундамент дома, сожженного турками, и еще сохранился колодец тех времен... А было все это ни мало, ни много — двести пятьдесят лет назад. И народная память — через изустное предание, через книгу, через песню сохранила мельчайшие подробности тех дней.

А когда мы едем дальше, то Васо так же живо и подробно рассказывает (и опять показывает), как он юношей в составе партизанского отряда вот на этой горе участвовал в уничтожении группы четников-предателей.

Машина выносит нас на перевал, и редкий для Черногории простор открывается отсюда, с вершины: далеко внизу лежит громадная долина р. Зеты, отчетливо видны высокие дома и заводские трубы Титограда. В прошлом это была Подгорица — отсюда турки предпринимали свои кровавые походы в Черногорию. Чуть блестит у подножья р. Ситница, бывшая граница, отделявшая захваченные турками земли от свободных черногорских областей. Слева от нас — с. Крусе. Здесь 3 октября 1796 г. черногорцы нанесли жестокое поражение турецкому войску и убили Махмут-пашу. Далеко справа — по ту сторону ущелья — белеет воздвигнутый в назидание всем чужеземным захватчикам монумент: на этом месте был обезглавлен Махмут-паша. Песня, которую довелось мне услышать уже в другом месте, заканчивается словами:

Молод был вот один парень,
Но захватил коня Махмута;
И другой был такой же,

Однако унес Махмутову голову.
Каждый унес память о турках:
Кто саблю, а кто и знамя,
А кто уехал на коне оседланном.

Берегом Скадарского озера, длинной узкой дамбой, проложенной через его протоку, мы въезжаем в Црмничку нахию, проезжаем Вир-Пазар. Нельзя не сказать о памятнике, воздвигнутом на высокой скале над озером: его основу составляют остатки старой башни, служившей монументом в память об освобождении от потурчьецев; над башней высится рельефное изображение героев народно-освободительной борьбы, напоминающее о том, что здесь 13 июля 1941 г. раздались первые выстрелы всенародного восстания против оккупантов.

А наша машина идет дальше и дальше, и вот мы уже на крутых склонах Црмници, и под нами — пропасти. Павле показывает мне свои родные места: вот Горне Бргело, в котором в 1834 г. после возвращения из России Негош открыл одну из первых в Черногории школ, где учились по русским книгам; а вот Доне Бргело, где в монастыре похоронен знаменитый Степан Малый, русский самозванец и черногорский народный царь; а вон там виднеется памятник партизанам, которые в 1943 г. пешком проделали громадный путь и, неожиданно напав на гарнизон, уничтожили двести четыре фашиста.

Мы сидим в доме Павле в с. Томичи. Он соединяет в себе все признаки современного дома, хозяин которого — ученый, поэт, книжник, и приметы старого крестьянского жилища. Да ведь и сам Павле, как и большинство черногорских интеллигентов, не просто вырос в крестьянской среде, но и унес с собой в жизнь многое отсюда. Народную жизнь и народную психологию он знает не только по книгам, не только по экспедициям, он знает ее изнутри и сохраняет многие ее традиции.

Старый очаг, вокруг которого мы сидим, греясь, вдыхая его дым и попивая домашнее вино, для Павле, видно, не экзотика, но необходимое воплощение этих традиционных связей.

А вот и связи вполне живые: к очагу подсаживается тетка Павле — 85-летняя Милица Джонович. По нашей просьбе она рассказывает, как вместе с другими женщинами из Томичей носила к Скадару мужчинам еду во время Балканской войны, как потом, в первую мировую войну, выносила с поля боя раненых, как причитала над убитыми. И ее рассказ не обходится без упоминания о гусях: был в их селе замечательный гусяр Периша, уехал в Америку на заработки («на печалбу») и там пел, а как услышал про войну, вернулся. Всегда встречал в окопах женщин пением под гусли. Милица хорошо помнила многие из этих песен, да теперь забыла.

В этот долгий день мне удалось познакомиться в разных селах с несколькими хорошими гусярами. Становится ясно, что гусяр в Черногории — сегодня не редкость, не диковинка, тем более не пережиток старины, а почти обязательный и естественный элемент современной жизни. Разумеется, гусяров стало меньше. В любом доме мы слышим воспоминания о певцах, которых уже нет и которые славились на всю округу. Но те певцы, с которыми сводила меня в эти дни судьба, — настоящие народные артисты. Вот Марко Вуячич. Ему 50 лет, он учился игре на гусях с детства. В его репертуаре 10—12 песен, в том числе и из времен последней войны. Марко неохотно говорит о своих успехах, но, видно, не такой уж он плохой гусяр, если получал награды на конкурсах. Он подчеркивает, что своих учителей не копирует, а выработал собственную манеру пения. В моей коллекции магнитофонных записей несколько отличных песен, спетых Марко, в том числе одна косовская песня.

В другом селе, Голмади, мы долго ждали одного гусляра, ушедшего куда-то по делам, да так и не дождалась. Но тут оказался его племянник Петар Вукчевич, 22-летний студент Высшей поморской школы в Боке Которской. С 5 лет, рассказывает Петар, жадно слушал он дядю Луку и приходивших к нему гусляров. Дядя по-настоящему учил его, показывал приемы игры на гусях. Много раз Петар забирался к дяде в постель и, лежа рядом с ним, набирался гуслярской премудрости. Ему сначала купили маленькие гусли, а потом уже он перешел на большие. Пока учился в школе, пел на вечерах, а в Боке теперь не поет и боится, что начинает понемногу забывать.

Рис. 2. Радован Бечирович, автор песен, и его внук Милован — гусляр

Я добавляю к своей коллекции и записи от Петара, в том числе — уже цитировавшуюся выше мною песню о битве на Крусе.

Среди гусляров, которых я слышал и записал в следующие дни, были директор Музея Марка Милянова в Медуне Бечо Милачич, и 27-летний Никодим, иеромонах монастыря Морачи, и служащий Раде Дакович, 33 лет, и рабочий металлургического завода в Никшиче 40-летний Вуко Дринчич. От каждого из них я получил по несколько отличных песен, которые обогатили мою коллекцию, и каждый добавил что-нибудь очень ценное к моим материалам по гуслярскому искусству. От Вуко Дринчича я услышал совсем для меня новую манеру пения — с большими паузами в музыке, с резкими обрывами перед последним слогом. Раде Докович спел отрывок из песни о битве с фашистами на Сутеске — и именно в его исполнении я ощутил особенно силу и эмоциональное воздействие нового эпоса.

Неожиданными и радостными оказались для меня встречи с гуслярами-детьми. Первая встреча произошла в Никшиче, в доме Радована Бечировича — сочинителя современных эпических песен. Сам Бечирович поет под гусли мало, но его песни поют многие гусляры. Бечировичу около 75 лет, он крепок, подвижен, полон жизни. Сочинять и петь начал в лагере для военнопленных в 1917 г. Источниками его песен являются и живые впечатления (например, битва при Мойковце в 1915 г., участником которой он был), и исторические труды, книги, старые песни. Бечирович — в полном смысле слова поэт-историк, и этим его поэмы и стихотворения существенно отличаются от народных юнацких песен.

Бечирович знает, что гусляры отчасти обрабатывают его песни. Он не против сокращений и переделок, но огорчается и негодует, когда из его песен выбрасывают лучшее и самое важное. Не может, например, он простить одному гусляру, что тот исключил из песни «Горский престол» строки о русской помощи.

У Бечировича есть и свой домашний критик — все сочинения он сразу же показывает жене, и та очень строго их изучает, отмечает длинноты, неудачные строки и т. д.

Два внука Бечировича, 9-летний Милозан и 11-летний Любомир, поначалу стеснялись нам петь. В конце концов их уговорили, и каждый из них спел по отрывку. Судя по тому, что мы слышали, из обоих вырастают настоящие гусяры. Позднее в том же Никшиче я услышал еще одного юного гусяра — Милету Черанича, 12 лет, который тоже показал вполне зрелое мастерство. Мне рассказали, что дети-гусяры в Черногории не редкость. Никто не заставляет их, они сами, оказываясь с детства в соответствующей обстановке, проникаются духом этого искусства и начинают по особому слушать, пробуют петь.

Существует прочное мнение, что трудным и своеобразным искусством пения под гусли можно овладеть, лишь если начать учиться ему с 5—6 лет. Позже вряд ли что-нибудь выйдет.

В Никшиче — этом сравнительно большом для Черногории вполне современном городе — я еще раз мог убедиться, насколько широко в народе, в самых разных его слоях, живут память об эпической истории и доброжелательный интерес к гусям и искусству гусяров. Где только мне ни приходилось слышать оживленные разговоры на эти темы: в кабинете председателя городского совета, в профессорской Педагогического училища, где каждый считал долгом вспомнить знакомых ему гусяров; в Городском музее, где выставлена отличная коллекция гуслей; в кафане, где гусяры никогда не поют, считая такое место для себя неподходящим, но где можно вспомнить мастеров этого искусства...

Но, конечно, самые яркие и сильные впечатления оставило у меня посещение Общества гусяров и поэтов Черногории имени Вука Караджича. Председатель Общества поэт Йован Чолакович, узнав о нашем приезде, быстро собрал свободных от работы членов общества. Несколько часов мы просидели в их клубе — большом просторном зале, где есть магнитофон, радиолы, где на стенах висят почетные награды, добытые на разных конкурсах, например на Международном фестивале в Загребе, афиши многочисленных выступлений в городе и в селах и, конечно, набор гуслей. Я узнал, что Общество возникло сравнительно недавно, но в нем уже более 150 членов, в том числе около 100 «активных», т. е. настоящих гусяров, самому старшему из них — 87 лет, а самому младшему — 12. Я слушаю рассказ Чолаковича и его товарищей, своеобразный отчет об их разносторонней деятельности, читаю устав, рассматриваю грамоты, афиши и скоро убеждаюсь, что это творческий союз людей, глубоко сознающих большое общественное воспитательное значение своего дела, прямо-таки фанатически преданных ему, видящих смысл своей деятельности в том, чтобы хранить, поддерживать и развивать традиции гусярского искусства, нести песню в народ, беречь высокое звание гусяра. «Поган и гусле не могу скупа», т. е. «мерзость, нечестность не могут быть с гусями вместе» — это изречение я услышал в клубе гусяров, и оно для них полно реального жизненного значения.

Здесь впервые я вижу столько гуслей сразу. Все они сделаны в разное время искусными мастерами, и каждый инструмент по-своему неповторим и оригинален как произведение искусства. Дека и шейка гуслей обычно украшаются искусной резьбой в виде тонкого орнамента, листьев, цветов, иногда здесь вырезаны какие-нибудь слова. Но больше всего внимания мастера уделяют верхней части — головке («главе») гуслей. Она часто сделана в форме благородной головы коня или горного козла; а вот два фантастических змея, над которыми распростер крылья сокол, или же изображение Негоша.

Смычок — гудало тоже делается с большой фантазией, в виде змеи или звериной фигуры, и украшается богатой резьбой.

Я слушаю певцов, собравшихся в клубе, снова и снова расспрашиваю их об их искусстве, о том, как учились они ему, пытаюсь постичь его тайны. Передо мной — люди сегодняшнего Никшича, рабочие, служащие,

пенсионеры, ученики, бывшие партизаны. Всех их объединяют гусли. Они не скрывают радости по поводу того, что их клуб посетил советский ученый, специально интересующийся гуслиями и изучающий эпическую поэзию черногорцев. В России будут знать о работе Общества — значит оно действительно необходимо и полезно.

В конце нашей встречи меня ждут неожиданности. Председатель торжественно вручает мне диплом и билет почетного члена Общества — «в знак признания искреннего участия в развитии Общества», а вместе с ним в подарок настоящие, «живые» черногорские гусли. Такого верха у гуслей мне еще не приходилось видеть: в овале — нагрудный портрет Негоша, ниже два овальных изображения — Карагеоргия и Милоша Обилича, громадный колок изображает змея, а по сторонам руки воинов протянулись с саблями...

Мы стоим некоторое время молча: я — потрясенный таким щедрым выражением дружбы, они — в радостном сознании доброй встречи. Я обещаю им быть примерным и активным членом Общества и с грустью добавляю к сказанному, что вряд ли сумею научиться играть на гуслиях: ведь искусству этому, они сами говорят, надо начинать учиться с пяти лет...

IV. В последний день уходящего 1972 г. я сижу на веранде дома Васо Вукичевича-Сарапа в Будве. Он пригласил меня на Новый год к себе. Далеко внизу мягко стелются темновато-голубые волны Адриатики. В двориках небольшие апельсиновые деревья гнутся под тяжестью плодов. Мой друг Васо — настоящий черногорец, человек удивительной и вместе с тем типичной для своего поколения судьбы. Он родился и вырос в с. Обовице близ Цетинья. Он помнит годы австрийской оккупации и первого в своей жизни русского — бежавшего из плена офицера, который укрывался за их домом. 17 лет Васо включился в революционное движение, в 21 стал коммунистом, 9 раз его арестовывали, он был приговорен к смертной казни, чудом спасся, добрался до родного села и с группой товарищей, отняв винтовки у итальянцев, 13 июля 1941 г. вступил в народно-освободительную войну. Прошел дорогами войны, закончил ее полковником... Сейчас на пенсии, но слово «пенсионер» плохо вяжется и с обликом Васо и с его кипучей общественной деятельностью.

Рассказывая о своей жизни, Васо то и дело начинает говорить о России. «Это всегда была наша опора и надежда. Наше фантастическое убеждение в победе поддерживалось верой в силу России и в учение Ленина».

Васо помнит песни, которые пел дед; помнит, как дед сажал его на колени и учил водить смычком по гуслиям; помнит первую свою песню — о трех косовских юнаках. Эпическая гуслиарская песня вошла в его жизнь естественно и органично. Ему приходилось петь и в тюрьме, и во время войны. Помнит Васо, как он пел партизанам песню о гибели старца Вуя-

Рис. 3 Гусли

дина, замученного турками. «Эти песни учили нас, как держаться в борьбе». Васо и сам складывал песни, особенно после войны. Не одну из них он посвятил Советскому Союзу...

От Васо я услышал одно очень важное дополнение к характеристике искусства гусляра. «Хороший гусляр,— сказал он,— тот, кто может тоном, голосом передать описываемое в песне событие так, чтобы слушатель его как бы увидел». Гусляр варьирует характер исполнения: пока повествование течет спокойно, так же спокойно он поет, но он должен уметь передать переход к событиям острым, кровавым.

Я прошу Васо показать мне, как это делается, и записываю его пение на магнитофон. Он поет о знаменитой встрече Милоша Обилича с Муратом, и, действительно, как будто перед глазами встает вся картина и прежде всего, конечно, образ сербского юнака, повергающего насмерть своего врага.

Много еще интересного показывает мне Васо: я записываю варианты его напевов, которые он меняет в процессе пения с учетом содержания песни; записываю его имитацию голосов других гусляров, его исполнение под гусли лирических песен и т. д.

Но главное, может быть, в беседе с Васо, которая как бы завершает мои встречи с черногорскими гуслиями, это выраженное им в наиболее полной и ясной форме убеждение в великом национальном, историческом, нравственном и общественном значении для народа Черногории эпических гуслярских песен и самого искусства пения под гусли.

Жизнь эпоса и гуслей в сегодняшней Черногории поддерживается не остатками патриархальных отношений, не пережитками старины в быту и сознании, но прежде всего и больше всего — прочными традициями народной истории, глубоким ощущением в народе исторической преемственности эпох, высоким уровнем исторического сознания, для которого нет далекой истории, нет ушедшего прошлого, но есть история живая, непрерывная, продолжающаяся сегодня.
